

**МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҢ ЖАЛПЫ ТЕОРИЯСЫ.
МЕМЛЕКЕТ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚ ТАРИХЫ**

**ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА.
ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

**GENERAL THEORY OF STATE AND LAW.
HISTORY OF STATE AND LAW**

МРНТИ 10.09.91
УДК 321(091)(4/9)

10.51889/2959-6181.2025.79.1.001

К.К. Айтхожин¹ , М.Т.Бейсенбаева^{2*}

¹ Кунаев университет

² Казахский Национальный аграрный исследовательский университет
(e-mail: kabdulsamikh@mail.ru, *manshuk.beisenbaeva@mail.ru)

**РЕАБИЛИТАЦИЯ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В КАЗАХСТАНЕ:
ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ**

Аннотация

Советское государство, сутью которого было отрицание права и подчинение законодательства политике, считалось диктатурой пролетариата, опирающейся на насилие и не ограниченной никакими законами. При этом основная масса репрессированных, не совершая преступных деяний, привлекалась к ответственности посредством прямого объективного вменения из-за их «опасного состояния», определяемого социальным происхождением, религиозным саном и т. д.

Очевидно, что такие лица, являясь жертвами политического произвола тоталитарного режима, не могут рассматриваться, как субъекты преступлений. В соответствии с нормами международного права такие лица приравниваются к жертвам преступлений, что, безусловно, требует их полной правовой и политической реабилитации. В течение всего периода своего функционирования Советское государство, выступавшее как сила, враждебная идее независимого гражданского общества, соблюдению обязательств в рамках международного права, препятствовавшая осуществлению гражданских прав и свобод, несет ответственность за развертывание массового террора, который можно квалифицировать как преступление против человечности.

Решения судебных и внесудебных органов и иные формы массовых политических репрессий необходимо признать противоречащими праву и человечности. Все такие акты по массовым репрессиям являются неправовыми, а вытекавшие из них юридические, политические и иные последствия, ущемляющие права граждан и уничтожающие их честь и достоинство, - не имеют правовой силы.

Ключевые слова: Советское государство, Конституция, политическая реабилитация, государственный террор, политические репрессии, тоталитарный режим, карательные органы.

Қ.К. Айтхожин¹, М.Т.Бейсенбаева²

¹ Kunaev University

*²Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университеті
(e-mail: kabdulsamikh@mail.ru, manshuk.beisenbaeva@mail.ru)*

САЯСИ ОҢАЛТУ ТУРАЛЫ МӘСЕЛЕГЕ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ САЯСИ ҚУҒЫН-СҮРГІН ҚҰРБАҢДАРЫ

Аңдатпа

Кеңес мемлекеті, оның мәні құқықты жоққа шығару және заңнаманы саясатқа бағындыру болды, зорлық-зомбылыққа негізделген және ешқандай заңдармен шектелмеген пролетариат диктатурасы болып саналды. Бұл ретте қуғын-сүргінге ұшырағандардың негізгі бөлігі қылмыстық іс-әрекеттер жасамай, әлеуметтік шығу тегімен, діни санамен және т. б. айқындалатын «қауіпті жай-күйіне» байланысты тікелей объективті айыппұл салу арқылы жауапқа тартылды.

Тоталитарлық режимнің саяси озбырлығының құрбаны болған мұндай адамдарды қылмыс субъектілері ретінде қарастыруға болмайтыны анық. Халықаралық құқық нормаларына сәйкес мұндай адамдар қылмыс құрбандарына теңестіріледі, бұл, әрине, оларды толық құқықтық және саяси оңалтуды талап етеді. Өзінің бүкіл қызмет ету кезеңінде Азаматтық құқықтар мен бостандықтарды жүзеге асыруға кедергі келтіретін, тәуелсіз азаматтық қоғам идеясына, халықаралық құқық шеңберіндегі міндеттемелерді сақтауға қарсы күш ретінде әрекет еткен Кеңес мемлекеті адамзатқа қарсы қылмыс ретінде жіктелуі мүмкін жаппай террорды орналастыруға жауапты.

Сот және соттан тыс органдардың шешімдері мен жаппай саяси қуғын-сүргіннің өзге де нысандарын құқық пен адамзатқа қайшы деп тану қажет. Жаппай қуғын - сүргін жөніндегі осындай актілердің барлығы заңсыз болып табылады, ал олардан туындайтын азаматтардың құқықтарына нұқсан келтіретін және олардың ар-намысы мен қадір-қасиетін жоятын заңды, саяси және өзге де салдарлардың құқықтық күші болмайды.

Түйінді сөздер: Кеңес мемлекеті, Конституция, саяси оңалту, мемлекеттік террор, саяси қуғын-сүргін, тоталитарлық режим, жазалау органдары.

К.К. Aitkhozhin¹, М.Т. Beissenbayeva²

¹ Kunaev University

*² Kazakh National Agrarian Research University
(e-mail: kabdulsamikh@mail.ru, manshuk.beisenbaeva@mail.ru)*

REHABILITATION OF VICTIMS OF POLITICAL REPRESSION IN KAZAKHSTAN: LEGAL CHALLENGES AND HISTORICAL JUSTICE

Abstract

The Soviet state, whose essence was the denial of law and the subordination of legislation to politics, was considered a dictatorship of the proletariat, based on violence and not limited by any

laws. At the same time, the majority of the repressed, without committing criminal acts, were brought to justice through direct objective imputation due to their "dangerous condition" determined by social origin, religious dignity, etc.

It is obvious that such persons, being victims of the political arbitrariness of the totalitarian regime, cannot be considered as subjects of crimes. In accordance with the norms of international law, such persons are equated with victims of crimes, which, of course, requires their full legal and political rehabilitation. Throughout the entire period of its functioning, the Soviet State, which acted as a force hostile to the idea of an independent civil society, compliance with obligations under international law, and impeded the exercise of civil rights and freedoms, is responsible for the deployment of mass terror, which can be classified as a crime against humanity.

Decisions of judicial and extrajudicial bodies and other forms of mass political repression must be recognized as contrary to law and humanity. All such acts of mass repression are illegal, and the legal, political and other consequences that result from them, infringing on the rights of citizens and destroying their honor and dignity, have no legal force.

Key words: Soviet state, Constitution, political rehabilitation, state terror, political repressions, totalitarian regime, punitive bodies.

Основные положения

Процессы демократизации привели к выявлению масштабов массовых политических репрессий и беззакония, организованных партийно-советским режимом. Государственные органы и правозащитные объединения начали активную работу по анализу и оценке преступных репрессий с целью восстановления чести и достоинства жертв политических репрессий советского периода.

Верховный Совет Республики Казахстан в 1993 году принял закон «О реабилитации жертв массовых политических репрессий, направленный на восстановление справедливости и компенсацию материального ущерба жертвам.

1997 год был объявлен Годом общенационального согласия и памяти жертв массовых политических репрессий, и это подчеркивает важность сохранения исторической памяти и укрепления общественно-политической стабильности. 31 мая Объявлен в Казахстане Днем памяти жертв политических репрессий как дань признанию страданий всех пострадавших.

Советский тоталитарный режим использовал террор как узаконенную практику насилия, приведшую к массовым репрессиям против собственных граждан. Восстановление исторической справедливости для безвинно осужденных граждан имеет исключительное значение для современного Казахстана и требует полной политической и правовой реабилитации.

Введение

В условиях развития процессов демократизации, возрождения потребности общества в законности и правопорядке, уважения к правам личности в конце 1980-х - начале 1990-х гг. в СССР, включая и Казахскую ССР, стали выявляться катастрофические масштабы массовых политических репрессий, организованных преступным партийно-советским режимом, и ужасающая степень их беззакония. В целях восстановления честного имени и достоинства многих тысяч незапятнанных людей государственными органами и общественными правозащитными объединениями в Казахстане стала проводиться огромная работа по всестороннему анализу и оценке преступных массовых репрессий, имеющая важное общественно-политическое и правовое значение и в настоящее время. Верховным Советом Республики Казахстан, исполненным решимости восстановить справедливость по отношению к людям, подвергшимся массовым политическим репрессиям, с целью реабилитации всех жертв этих репрессий, обеспечения максимально возможной

компенсации причиненного им морального и материального ущерба, принимается Закон «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» №2143-ХІІ от 14 апреля 1993 г. [1].

В целях содействия сохранению исторической памяти о жертвах политических репрессий и учета многочисленных обращений граждан, общественных объединений и организаций, укрепления общенационального согласия и общественно-политической стабильности Указом Президента Республики Казахстан от 30 декабря 1996 г. 1997 год был объявлен *Годом общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий* [2]. В этой связи для увековечения памяти лиц, пострадавших в годы политических репрессий, Указом Президента Республики от 5 апреля 1997 г., *31 мая было объявлено Днем памяти жертв политических репрессий* [3].

Материалы и методы

При проведении исследований использовались разные материалы и методы, направленные на всесторонний анализ политической реабилитации жертв политических репрессий в Республике Казахстан. В качестве первичных источников использовались документы и законодательство, явившиеся основой для правовой оценки и реабилитации жертв репрессий, а также для определения механизмов компенсации морального и материального ущерба. Исторические исследования основаны на анализе исторических материалов, включая архивные документы, которые позволили выявить масштабы и характер массовых репрессий, организованных тоталитарным режимом. Эти материалы помогли выявить подлинный контекст исторических событий того периода и их последствия для общества.

Социологические опросы и интервью с представителями правозащитных организаций, историками и членами семей жертв. Эти данные позволили выявить актуальные проблемы и потребности в области реабилитации.

В ходе исследований широко применялись методы правового анализа для оценки эффективности действующего законодательства и выявления пробелов в правовой системе, касающейся реабилитации жертв репрессий. Это включало изучение судебной практики и правоприменительной практики в данной области.

В целом исследование основывается на комплексном подходе, который сочетает в себе анализ законодательных, исторических, социологических и правовых материалов, что позволило очертить суть и содержание проблем и перспектив политической реабилитации жертв политических репрессий в Казахстане.

Результаты и обсуждение

Советское государство, сутью которого было отрицание права и открытое подчинение законодательства политике, считалось диктатурой пролетариата, опирающейся на насилие и не ограниченной никакими законами. *«Научное понятие диктатуры, - по собственному признанию же В. И. Ленина, - означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»* [4, с.383].

В этой связи статьей 9 Конституции РСФСР 1918 г. утверждалось: *«Основной задачей рассчитанной на настоящий переходный момент является в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти»*.

При этом основная масса репрессированных, не совершая каких-либо преступных деяний, привлекалась к уголовной ответственности посредством прямого объективного вменения из-за их *«опасного состояния»*, определяемого социальным происхождением,

религиозным саном, принадлежностью к конкурирующим политическим партиям и т.д. Так, согласно предписаниям декрета СНК РСФСР от 28 ноября 1917 г. члены руководящих учреждений крупнейшей либеральной партии России – Конституционно-демократической партии - «как *партии врагов народа*» подлежали «*аресту и преданию суду революционных трибуналов*» [5].

Очевидно, что такие лица, являясь жертвами политического произвола тоталитарного режима, не могут рассматриваться, как субъекты преступлений. В соответствии с нормами международного права такие лица приравниваются к жертвам преступлений, что, безусловно, требует их полной правовой и политической реабилитации.

Нелегитимной партийно-советской властью отвергался и основной принцип права – *формальное равенство свободных индивидов* – так как в условиях однопартийного тоталитарного политического режима и социализации средств производства, исключая право с его принципом формального равенства и свободы индивидов, нет и не может быть независимого и свободного индивида, как субъекта прав. В условиях насилия, беззакония и упразднения свободы человек, лишенный самых элементарных естественных прав (права на жизнь, личную свободу, свободу труда и др.), мог быть только средством достижения целей, стоящих перед Советским государством.

При этом юридические акты нелегитимного, по сути, большевистского государства, являясь принудительным инструментом правящего режима для осуществления партийной диктатуры, не содержали норм по обеспечению законности и соблюдению прав человека, защищая не общество, а само государство. Так, Конституция СССР 1924 г., закрепившая минимум прав граждан, содержала отдельную главу, посвященную учреждению с целью борьбы с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), на которое было возложено руководство репрессиями. И основным средством такой защиты, по существу, антинародного государства, партийно-советский режим сделал устрашение всех слоев населения, что на практике привело к тотальному террору, основанному на вынесении многочисленных смертных приговоров.

Соответственно задача по обеспечению прав и свобод человека в условиях насаждения обстановки насилия и страха не могла иметь статуса общегосударственной, т.к. подлинное право было замещено неправовым законодательством, посредством которого проводились массовые репрессии.

Права и свободы граждан, закрепленные в этих нормативных актах, фактически сводились к нулю, т. к. в реальной жизнедеятельности населения страны отсутствовало самое главное: *подлинная свобода личности, свобода выбора деятельности, свобода совести, свобода творчества, мнений и убеждений, без которых невозможна достойная и полнокровная жизнь человека и гражданина.*

Особо выделяется и прямая зависимость массовых репрессий от идеологической конъюнктуры, т.к. граждане преследовались и за убеждения, не совпадавшие с политикой правящей партии коммунистов, антисоветская мотивация которых доказывалась преступным путем объективного вменения, когда наказание применялось без учета факта виновности (к лицам, признанным «*врагами народа*», «*социально опасными*» и др.).

В этой связи государственный террор был применен тоталитарным режимом в огромных масштабах, как против отдельных лиц, так и отдельных групп населения, как «*социально чуждых и опасных элементов*»: «*врагов народа*», «*изменников Родины*», «*лиц, совершивших контрреволюционные преступления*», «*лишенцев*», «*спецпереселенцев*», «*кулаков*» и др., насильственно исключавшихся из политической жизни страны. При этом такие определения отдельных лиц и социальных групп, не имевшие никакого юридического содержания, несли готовую установку для карательных органов, предопределяя неправосудие и произвол.

Права и свободы человека и гражданина, провозглашенные советскими конституциями и иными нормативными актами, были лишены объективного смысла и ценности подлинного права, являясь лишь политико-правовыми фикциями, за которыми скрывались неправовые и негосударственные институты власти и монопольного политического правления КПСС. Практически все советское законодательство, являясь глубинно несовместимым с подлинным правом, представляло собой *неправо и правоотрицание*, так как принималось неправовыми, нелегитимными государственными органами с монополизацией политической власти в руках КПСС. Все это исключало всякое правовое начало, которое могло быть для монопольного политического правления КПСС только антимарксистским, антисоветским, антисоциалистическим, разрушающим неправовые устои советского тоталитарного законодательства.

Партийные органы, ориентированные на тотальный контроль над государством, являлись высшей руководящей инстанцией над органами исполнительно-распорядительной власти, имеющей право определять внутреннюю и внешнюю политику страны, формировать общегосударственные народнохозяйственные планы и директивно указывать их способы претворения в жизнь, а также контролировать исполнение, как своих указаний, так и актов исполнительных органов. Такое высшее право (или суперправо), как *«вездесущий и абсолютно господствующий регулятор»*, как отмечает Алексеев С.С., *«выражалось в партийных документах, и хотя нередко проводилось на практике через законы, иные нормативные акты, по большей части все же действовало как таковое – через канонизированные или открыто произвольные суждения и оценки руководящих инстанций, партийных вождей, партийных лидеров различного ранга»* [6, с.328].

Так, Политбюро ВКП (б) и КПСС, как внеправовая надгосударственная структура, узурпировавшая все ветви государственной власти, в нарушение норм Конституции СССР, выносило постановления с одобрением совместных постановлений ЦК и Совета Министров СССР по вопросам, находящимся в компетенции органов исполнительной власти. Партийными органами, вопреки положениям Основного закона государства, проводилось и предварительное утверждение постановлений правительства, нормативных актов министерств и ведомств, а также наиболее существенных решений органов исполнительной власти, игравших подсобную роль по отношению к партийным документам.

Совет Министров СССР также, несмотря на федеративную природу СССР, закрепленную Конституциями СССР и союзных республик, игнорировал законодательство союзных республик, издавая постановления по вопросам государственного управления, затрагивавшим компетенцию самих Советов Министров союзных республик. Союзные министерства, в свою очередь, тоже решали те или иные проблемы государственного управления без согласования с министерствами союзных республик.

Законодательные и иные нормативные акты Казахской ССР, как правило, были лишены объективных правовых качеств и свойств, представляя собой только инструмент конъюнктурной политической целесообразности, подчиненный нуждам государственной репрессивной политики. Соответственно в стране отсутствовала и *правовая законность*, фактически и по существу, подменявшаяся политической целесообразностью, исходившей из конкретных жизненных реалий поддержания тоталитарного режима. Вследствие такой подмены законности целесообразностью, законы и иные акты, носившие, по сути, неправовой характер, не были в состоянии действовать последовательно и стабильно, усугубляя беззаконие, как неизбежное следствие и продолжение их неправовой природы и антиправового характера.

В условиях безраздельного господства коммунистической партии, как особого механизма формирования и реализации политической власти путем сращивания партии со структурами государства, советскими директивными органами основное внимание уделялось ведомственному нормотворчеству, что приводило к обесцениванию норм Основного закона

и нарушению иерархии построения всей системы источников конституционного права, ослаблению авторитета Конституции.

Например, для реализации норм Конституции Казахской ССР требовалась сложная совокупность опосредствующих нормативных предписаний Основного закона актами судебного и административного правоприменения. При этом для нормативного обоснования применения конституционных положений использовались опосредующие нормы актов правоприменительных органов. Так, при отмене приговора ввиду нарушения конституционного права индивида на защиту, делалась ссылка не на статьи Конституции, а на производные нормы Уголовно-процессуального кодекса. Подобное отношение к нормам Основного закона подрывало уверенность граждан в том, что конституционные нормы имеют прямое действие, а опосредующие нормы актов правоприменительных органов не воспринимались в таких случаях как вспомогательные средства реализации норм Конституции.

Как видно, ведомственное нормотворчество партийных и исполнительных органов, нарушая прерогативы Верховного Совета Казахской ССР, как законодательной власти, и девальвируя принцип верховенства закона, подрывало основы действующего законодательства государства. Так, согласно нормам статей 24 и 31 Конституции РСФСР 1918 г. Всероссийский съезд Советов являлся высшей властью РСФСР и образуемый им Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов (ВЦИК) – высшим законодательным, распорядительным и контролирующим органом РСФСР. Однако в соответствии с положениями статей 37 и 38 Конституции Совету Народных Комиссаров (СНК) РСФСР, исполнительному органу Съезда Советов и ВЦИК, принадлежало общее управление делами РСФСР, для осуществления которого он издавал декреты, распоряжения, инструкции и принимал *«вообще ... все меры, необходимые для правильного и быстрого течения государственной жизни»*, обладая для этого всеми необходимыми законодательными полномочиями. При этом основная часть законов РСФСР в 1917-1920 гг., в нарушение предписаний статей 24 и 31 Конституции, была издана именно СНК РСФСР – Правительством, высшим органом исполнительной власти, сохранявшем законодательные полномочия вплоть до принятия Конституции СССР 1936 г.

Аналогичная картина была характерна и для КАССР, как и для других союзных и автономных республик СССР и РСФСР. Впоследствии исключительное право издания законов за Верховным Советом Казахской ССР было закреплено лишь предписаниями статей 20-22 Конституции Казахской ССР 1937 г., установившими, что высшим органом государственной власти является Верховный Совет – единственный законодательный орган Казахской ССР. Однако Совет Народных Комиссаров, являясь только высшим исполнительным органом государственной власти Казахской ССР, согласно нормам ст.39 Конституции, сохранял за собой широкие нормотворческие полномочия, принимая подзаконные акты по любым вопросам жизнедеятельности республики, бывшие, по сути, законодательными актами, т. к. сфера законодательного регулирования Конституцией и текущим законодательством не определялась.

При этом постоянно действующий орган Верховного Совета Казахской ССР – *Президиум Верховного Совета* – в период между сессиями Верховного Совета издавал нормативные указы, фактически выполнявшие роль законодательного регулирования общественных отношений. Так, Указы Президиума Верховного Совета, подотчетного во всей своей деятельности Верховному Совету, согласно нормам ст.30 Конституции Казахской ССР 1937 г., приобретали силу закона только после принятия на сессии Верховного Совета закона об их утверждении, но на деле они вступали в юридическую силу с момента их принятия Президиумом. В этой связи незначительная роль Верховного Совета Казахской ССР предопределялась и тем, что в системе законодательных актов, принимаемых высшим

представительным органом республики, ведущее место занимали законы об утверждении указов Президиума Верховного Совета.

Суды также не рассматривались коммунистическим режимом в качестве самостоятельной и независимой ветви государственной власти. Как известно, в первые годы после октябрьского антигосударственного переворота 1917 г. и длительное время впоследствии суды действовали под контролем партийных органов и структур исполнительной власти (Наркомата юстиции РСФСР и местных исполкомов), периодически заслушивавших отчеты судебных органов. Например, в циркулярном письме Киробкома РКП (б), Кирпрофбюро ВЦСПС и Наркомюста КАССР «Об укреплении судебных органов и пополнении их коммунистами» от 20 февраля 1923 г. в этой связи отмечалось: *«Губкомам установить надлежащую связь с судебными органами в порядке установленных положений через фракции их как в смысле установлений общеполитической линии работы, так и в формах заслушивания отчетов, докладов и информации. Каждый работник юстиции должен быть учтен и изучен»* [7, с.110].

Основной характеристикой советского тоталитарного режима, вытекавшей из изначально насильственной природы социализма, был *террор*, как массовая, узаконенная репрессивная государственная практика организованного насилия и применения разных видов принуждения в отношении гражданского населения. Прямой преступный призыв к тотальному террору, без всякого идеологического прикрытия, был предписан Обращением Совета народных комиссаров к населению России от 5 (18) ноября 1917 г.: *«Арестуйте и предавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу ...»* [5].

Репрессивная суть используемых этим неправовым органом методов реализации государственных функций, применявшихся во внесудебном порядке и приведших к массовому террору, как инструменту нагнетания в обществе страха и исключения возможности организации народного сопротивления, в целом, ярко характеризуется самим наименованием приказа ВЧК от 8 января 1921 г. «О карательной политике органов ЧК».

Сущность судов, революционных трибуналов, как и ВЧК и других карательных органов, являвшихся внеправовым аппаратом политических репрессий, заключалась в охране нелегитимной партийно-советской власти путем осуществления террора и массовых репрессий по обеспечению строгого повиновения всех граждан порядку и правилам, установленным Советским государством, *не имевшим никакого отношения к праву и международно-правовым актам о правах человека*. Закономерно было в этой связи отсутствие в советском позитивном законодательстве, находившемся в непримиримом противоречии с ценностями естественного права, как собственно права в его исходном и подлинном смысле, термина *«правоохранительный орган»*.

Само же естественное право (совокупность высших правовых ценностей, без которых невозможна нормальная жизнедеятельность человека и общества), как концептуальное направление в понимании природы права, рассматривалось только с критической точки зрения, не находя официальной поддержки Советского государства. Законодательная и иная нормативная практика государственных органов СССР, включая суды, основанная на антиправовой идеологии и легитимации любого властного произвола в качестве закона и иного нормативного акта, на деле содействовала отрицанию онтологических ценностей права и справедливости и утверждению узаконенного бесправия личности в условиях массовых политических репрессий.

При этом ст.1 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР, утвержденных постановлением Народного комиссариата РСФСР от 12 декабря 1919 г. впервые закреплялось официальное определение советского права, носившее откровенно репрессивный характер: *«Право - это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его*

силой». В этой связи предписаниями ст.3 Руководящих начал устанавливалось: «Советское уголовное право имеет задачей - посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата».

Репрессии, проводившиеся в СССР как судами, так и внесудебными органами (коллегиями ВЧК, губернскими ЧК, ОГПУ, Особым совещанием НКВД), осуществлялись по приказам ВЧК-ОГПУ-НКВД, претворявшим в жизнь решения съездов партии, пленумов ЦК, решений Политбюро ЦК, что свидетельствовало о прямом вмешательстве ЦК ВКП (б) в практику внесудебных репрессий в целях тотального подавления прав и свобод в стране.

Именно руководящий аппарат ВКП (б) развязывал кампании массовых репрессий, перекладывая ответственность за их проведение на подконтрольные судебные и иные карательные органы, деятельность которых носила антиконституционный характер и была прямо связана с посягательством на признанные международным сообществом права и свободы личности.

При этом суды не рассматривались коммунистическим режимом в качестве самостоятельной и независимой ветви государственной власти. Как известно, в первые годы после октябрьского антигосударственного переворота 1917 г. и длительное время впоследствии суды действовали под контролем партийных органов и структур исполнительной власти (Наркомата юстиции РСФСР и местных исполкомов), периодически заслушивавших отчеты судебных органов. Например, в циркулярном письме Киробкома РКП (б), Кирпрофбюро ВЦСПС и Наркомюста КАСССР «Об укреплении судебных органов и пополнении их коммунистами» от 20 февраля 1923 г. в этой связи отмечалось: *«Губкомам установить надлежащую связь с судебными органами в порядке установленных положений через фракции их как в смысле установлений общеполитической линии работы, так и в формах заслушивания отчетов, докладов и информации. Каждый работник юстиции должен быть учтен и изучен»* [7, с.110].

Относительная независимость и самостоятельность судов, подчинение их только закону нашли свое юридическое воплощение в Казахстане только в Конституции Казахской ССР 1937 г. Так, ст.83 Конституции закреплялось: *«Правосудие в Казахской ССР осуществляется Верховным Судом Казахской ССР, областными судами, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР народными судами».* В этой связи ст.91 Конституции Казахской ССР 1937 г. устанавливалось: *«Судьи независимы и подчиняются только закону»*, но фактически судьи были далеки от реальной независимости, продолжая находиться под постоянным контролем партийных и советских органов. При этом судебные функции, вопреки нормам Основного закона, продолжали осуществлять различные органы внесудебной репрессии, образуемые при ОГПУ, НКВД, МГБ СССР.

Впоследствии принцип осуществления правосудия только судами был провозглашен ст.151 Конституции Казахской ССР 1978 г., установившей: *«Правосудие в Казахской ССР осуществляется только судом».*

Таким образом, государственно-нормативная практика СССР, РСФСР и Казахской ССР, полностью игнорировавшая демократический принцип разделения ветвей власти, характеризовалась безусловным доминированием коммунистической партии и исполнительной власти над судебной ветвью власти, делая суды заложниками текущей политической конъюнктуры.

Формирование и развитие советской судебной системы неразрывно было связано с курсом Коммунистической партии на централизацию судов в рамках Советского государства в области государственно-правовой политики. Принципы судостроительства и судопроизводства, выработанные ЦК ВКП (б) к концу 1930-х гг., стали основой

функционирования советских судов на протяжении последующих десятилетий вплоть до крушения Советской империи.

Суды фактически действовали в качестве составного органа советской карательной системы. Подлинная судебная власть, как универсальные, гуманистические ценности естественного права, права человека, разделение властей коммунистическим режимом принципиально отвергались.

Четкая, неразрывная связь между задачами Советского государства и основными тенденциями в организации и функционировании судебных органов, принципами организации судебной системы, функционирования судов и осуществления ими карательной политики наглядно проявляются на всех этапах формирования и функционирования советской судебной системы. Практически до распада СССР советский суд являлся неотъемлемой, органической составной частью партийно-советского тоталитарного государства.

Относительная независимость и самостоятельность судов, подчинение их только закону нашли свое юридическое воплощение в Казахстане только в Конституции Казахской ССР 1937 г. Так, ст.83 Конституции закреплялось: *«Правосудие в Казахской ССР осуществляется Верховным Судом Казахской ССР, областными судами, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР народными судами»*. В этой связи ст.91 Конституции Казахской ССР 1937 г. устанавливалось: *«Судьи независимы и подчиняются только закону»*, но фактически судьи были далеки от реальной независимости, продолжая находиться под постоянным контролем партийных и советских органов. При этом судебные функции, вопреки нормам Основного закона, продолжали осуществлять различные органы внесудебной репрессии, образуемые при ОГПУ, НКВД, МГБ СССР.

Впоследствии принцип осуществления правосудия только судами был провозглашен ст.151 Конституции Казахской ССР 1978 г., установившей: *«Правосудие в Казахской ССР осуществляется только судом»*.

Таким образом, государственно-нормативная практика СССР, РСФСР и Казахской ССР, полностью игнорировавшая демократический принцип разделения ветвей власти, характеризовалась безусловным доминированием коммунистической партии и исполнительной власти над законодательной и судебной ветвями власти, делая их заложниками текущей политической конъюнктуры.

В период массовых репрессий, разрушавших также институт семьи в стране, нарушались конституционные права и свободы не только взрослого населения страны, но и детей так называемых *«врагов народа»*, отправленных в тюрьмы, лагеря, ссылку, лишенных возможности получить образование и иные социальные элементарные блага.

Так, является преступным оперативный приказ НКВД СССР №00486 «О репрессировании жен и размещении детей осужденных «изменников Родины» от 15 августа 1937 г., абсолютно нарушавший основные права и свободы граждан, закрепленные Конституцией СССР 1936 г. Согласно приказу: аресту подлежали жёны тех, кто после 1 августа 1936 г. был осуждён к расстрелу, заключению в тюрьмы или лагеря Военной коллегией Верховного Суда или военными трибуналами за принадлежность к *«право-троцкистским шпионско-диверсионным организациям»*. При этом, если дети старше 15 лет, оставшиеся без надзора, признавались *«социально-опасными»*, то их по решению ОСО могли направить в лагерь, исправительно-трудовую колонию или *«детские дома особого режима»* [8, с.30-33].

Всецело антигуманным и противоречащим Конституции СССР является и Постановление ЦИК И СНК СССР от 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», согласно которому: *«В целях быстрой ликвидации преступности среди несовершеннолетних ЦИК и СНК Союза ССР постановляют: 1) Несовершеннолетних начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, в*

причинении насилий, телесных повреждений, увечий, в убийстве или в попытках к убийству, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания.

2) Лиц, уличенных в подстрекательстве или в привлечении несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, а также в понуждении несовершеннолетних к занятию спекуляци-ей, проституцией, нищенством и т. п. – карать тюремным заключением не ниже 5 лет.

3) Отменить ст. 8 «Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик» [9, с.22].

В связи с данным постановлением ЦИК и СНК СССР издается подзаконный акт - Циркуляр №1/001537-30/002517 Прокуратуры СССР и Верховного Суда СССР от 20 апреля 1935 г. «О порядке применения высшей меры наказания к несовершеннолетним», юридическая сила которого оказалась выше Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик. Согласно Циркуляру, имевшему гриф «Совершенно секретно» прокурорам и председателям судов ввиду поступающих запросов, разъяснялось: «1. К числу мер уголовного наказания, предусмотренных ст. 1 указанного постановления, относится также и высшая мера уголовного наказания (расстрел). 2. В соответствии с этим надлежит считать отпавшими указание в примечании к ст. 13 «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик и соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик (22 ст. УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик), по которым расстрел к лицам, не достигшим 18-летнего возраста, не применяется» [10, с.22-23].

Беззаконная репрессивная практика государства, подтверждаемая документами карательных органов, сохранялась и в отношении детей репрессированных родителей, размещенных в детских домах особого режима. Так, в приказе НКВД СССР №00309 «Об устранении извращений в содержании детей репрессированных родителей в детских домах» от 20 мая 1938 г., носившем совершенно секретный характер, отмечалось, что в «детских домах системы Наркомпроса, где размещены дети репрессированных врагов народа, имеют место грубейшие политические извращения в деле содержания и перевоспитания детей репрессированных родителей. Извращения эти являются результатом того, что Наркомпросы не занимаются этими детдомами, а НКВД союзных республик совершенно недопустимым образом выпустили из своего поля зрения эти важнейшие объекты. Делу правильного политического воспитания этих детей и создания здоровой советской обстановки в указанных детдомах не уделяют почти никакого внимания, в результате чего в ряде детских домов имеет место враждебное отношение к детям репрессированных, переходящее в случаи прямого издевательства над ними. В Федоровском детдоме Кустанайской области Казахской ССР имеют место массовые побеги детей репрессированных родителей. Дети не занимаются, так как их избивают школьники-хулиганы. Наблюдаются массовые дебоши. ... Во многих детдомах детей репрессированных называют троцкистами, преследуют, рассматривая их, как врагов» [11].

Беззаконие и насковзь антигуманная практика содержания осужденных, бывших лишь «расходным материалом» для тоталитарного режима, были и неотъемлемой характерной чертой советской уголовно-исполнительной системы в целом. Например, в приказе №193 Управления Карагандинского исправительно-трудового лагеря НКВД «О результатах обследования Чурубай-Нуринаского и К. Кульского отделений» от 3 мая 1944 г. отмечается исключительно преступное содержание осужденных: «Обследованием Чурубай-Нуринаского отделения в середине апреля ст. инспектором САНУ Управления тов. Керпелли выявлен ряд грубых нарушений в санитарно-бытовых условиях содержания заключенных. Группа заключенных была размещена чрезвычайно скученно, в темном, непроветриваемом помещении, без постельных принадлежностей и бытовых мат. Несмотря на то, что эти люди крайне нуждались в дополнительном питании, а значительная часть из них и в

госпитализации, ни дополнительное питание, ни условия больничного лечения, питания и ухода им не были предоставлены» [12, с.134].

В приказе №80 Управления Карагандинского исправительно-трудового лагеря НКВД «О бытовых условиях Камспайского участка Джартасского отделения» от 2 марта 1945 г. также констатируется: «Обследованием Полевого Стана и Новостройки Камспайского участка Джартасского отделения 5/II 1945 г. установлено, что бытовые условия содержания заключенных весьма неудовлетворительные. На Полевом Стане, в землянке, где размещено 100 чел. женщин, при отсутствии постельных принадлежностей, заключенные не обеспечены бытовыми матами и спят на голых таловых нарах. ... В остальных бараках бытовые маты, заменяющие постельные принадлежности, пришли в негодность, не заменяются и от них» [13, с.144].

В протоколе собрания партийного актива Карагандинского исправительно-трудового лагеря МВД 1-2 апреля 1949 г. тоже отмечается античеловеческое содержание осужденных: «Санитарно-бытовое состояние лагеря, нужно прямо сказать, что оно было и есть неудовлетворительное. ... В Бидаикском, Сарептском, Батыкском, Исень-Гельдинском отделениях санитарное состояние территорий зон неудовлетворительное. В жилых помещениях холодно, неуютно, стены отсырели, кипяченой воды нет, умывальники в большинстве барачных отсутствуют, постельных принадлежностей крайне недостаточно, люди спят на голых нарах, скученность исключительно большая, так например: в бараке усиленного режима центрального участка Бидаикского отделения на 40 кв. метров размещено 48 человек, в одном из барачных зон на 165 местах находится 308 человек, люди спят на нарах и под нарами, на цементном полу на подосланной соломе ...» [14, с. 177-178].

Как видно из вышеприведенных и иных документов Управления Карагандинского исправительно-трудового лагеря НКВД по вопросам уголовно-исполнительной практики, антигуманное содержание осужденных противоречило ст.7 Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933 г., согласно которой: «Труд, политико-воспитательная работа, режим и система льгот во всех исправительно-трудовых учреждениях строятся, исходя из основных задач исправительно-трудовой политики пролетарского государства, и не могут сопровождаться ни причинением физических страданий, ни унижением человеческого достоинства».

При этом лагерное содержание осужденных, являясь самым массовым способом преступных репрессий, по сути своей, проистекало из внесудебной административной расправы, узаконенной партийно-советским тоталитарным режимом, и служило ее окончательно антиправовым и античеловеческим завершением.

Особые совещания, «двойки», «тройки» и другие органы, выносившие основную часть приговоров по репрессивным делам, являлись, по сути, антиконституционными, антиправовыми органами. Выносимые этими антиправовыми органами по различным политическим причинам, приговоры были неправовыми решениями, карательными средствами политики тоталитарного государства. Ведь в условиях, когда партийно-советский режим, как форма отрицания подлинной свободы, и ее бытия и защиты, не связанный правом и правовыми ценностями, опирался непосредственно на насилие, - независимый суд и подлинное правосудие, по сути своей, были невозможными. Очевидно, что в условиях тоталитарного политического режима, право, как формально-определенная всеобщность свободы, правового равенства и справедливости, объективно не могло существовать.

По сути, политические репрессии, в нарушение норм Конституции СССР и Конституции Казахской ССР, представляли собой репрессивную политику Советского государства против народа, как единственного источника и носителя государственной власти, отрицая человека, как независимого и самостоятельного субъекта правовых отношений, уважение к которому в концентрированной форме выражает смысл фундаментальных правообразующих ценностей

естественного права. Само же народовластие, торжественно провозглашаемое советскими конституциями, не могло стать реальной политической основой общества при сохранении монополии на государственную власть одной коммунистической партии.

Содержание юридических документов по массовым репрессиям, как насильственно-приказных актов, проводившимся тоталитарным режимом в Казахстане, четко и недвусмысленно свидетельствует, что преобладающая часть репрессированных лиц – это не субъекты уголовных деяний, а *жертвы политического произвола, признававшиеся социально опасными для правящей партии по социальным, классовым, религиозным и иным признакам.*

И в соответствии с международно-правовыми актами такие репрессированные лица должны быть приравнены к жертвам преступлений неправового советско-партийного режима. Пунктом 1 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г., установлено: *«Под термином «жертвы» понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств-членов, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью».*

Заключение

В течение всего периода своего функционирования Советское государство, выступавшее как сила, враждебная идее независимого гражданского общества, суверенности личности, соблюдению обязательств в рамках международного права, препятствовавшая осуществлению основных гражданских прав и свобод, несет полную ответственность за развертывание в стране массового террора, который можно квалифицировать как *преступление против человечности.*

Таким образом, *решения «троек», «двоек», «особых совещаний», списки, и иные формы и методы массовых политических репрессий необходимо признать противоречащими праву, Конституции Республики Казахстан, человечности, принципам и нормам человеческой морали. Все такие акты по массовым репрессиям являются неправовыми, а вытекавшие из них юридические, политические и иные последствия, ущемляющие права граждан и уничтожающие их честь и достоинство, - не имеют подлинной правовой силы.*

Историческая справедливость по отношению к безвинно осужденным гражданам, подлежащим полной политической и правовой реабилитации, имеющая исключительное политическое значение для современных судеб Нового и Справедливого Казахстана, должна быть восстановлена в полной мере.

Список использованной литературы:

1 Закон Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» №2143-ХІІ от 14 апреля 1993 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

2 Об объявлении 1997 года Годом общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий. - Указ Президента Республики Казахстан от 30 декабря 1996 г. №3299 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

3 Об установлении Дня памяти жертв политических репрессий. Указ Президента Республики Казахстан от 30 декабря 1996 г. №3443. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

4 Ленин В.И. К истории вопроса о диктатуре // Полн. собр. соч. - Т.41. - С.369-391.

5 Декрет Совета Народных комиссаров (СНК) «Об аресте вождей гражданской войны против революции», 28 ноября (11 декабря) 1917 г. // Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. - М.: Гос. издательство политической литературы, 1957. – 362 с.

6 Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. – М.: Издательство НОРМА, 1998. – 416 с.

7 Циркулярное письмо Киробкома РКП (б), Кирпрофбюро ВЦСПС и Наркомюста КАССР «Об укреплении судебных органов и пополнении их коммунистами» от 20 февраля 1923 г. // В братском единстве народов СССР. Документы и материалы. 1920-1937 гг. – Алма-Ата: Казахстан, 1972. – С.108-110.

8 Оперативный приказ НКВД СССР №00486 «О репрессировании жен и размещении детей осужденных «изменников Родины» от 15 августа 1937 г. // Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т.6: Исправительно-трудовые лагеря в Казахстане: Карлаг. Сборник документов и материалов. Составители тома: З. Г. Сактаганова, А. У. Аупенова / Под общ. ред. Е. Т. Карина. – Астана, 2022. - С.30-33.

9 Постановление ЦИК И СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 г. // Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т.6: Исправительно-трудовые лагеря в Казахстане: Карлаг. Сборник документов и материалов. Составители тома: З.Г. Сактаганова, А.У. Аупенова / Под общ. ред. Е.Т. Карина. - Астана, 2022. - С.21-22.

10 Циркуляр №1/001537-30/002517 Прокуратуры СССР и Верховного Суда СССР «О порядке применения высшей меры наказания к несовершеннолетним» от 20 апреля 1935 г. // Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т.6: Исправительно-трудовые лагеря в Казахстане: Карлаг. Сборник документов и материалов. Составители тома: З. Г. Сактаганова, А. У. Аупенова / Под общ. ред. Е. Т. Карина. – Астана, 2022.- С.22-23.

11. Приказ НКВД СССР №00309 «Об устранении извращений в содержании детей репрессированных родителей в детских домах». 20 мая 1938 г. // Электронная библиотека исторических документов. Российское историческое общество. <http://docs.historyrussia.org/>.

12 Приказ №193 Управления Карагандинского исправительно-трудового лагеря НКВД «О результатах обследования Чурубай-Нуринского и К. Кульского отделений» от 3 мая 1944 г. // Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т.6: Исправительно-трудовые лагеря в Казахстане: Карлаг. Сборник документов и материалов. Составители тома: З.Г. Сактаганова, А.У. Аупенова / Под общ. ред. Е.Т. Карина. – Астана, 2022. - С.134-135.

13 Приказ №80 Управления Карагандинского исправительно-трудового лагеря НКВД «О бытовых условиях Камспайского участка Джартаасского отделения» от 2 марта 1945 г. // Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т.6: Исправительно-трудовые лагеря в Казахстане: Карлаг. Сборник документов и материалов. Составители тома: З. Г. Сактаганова, А. У. Аупенова / Под общ. ред. Е.Т. Карина. – Астана, 2022. - С.144-145.

14 Из протокола собрания партийного актива Карагандинского исправительно-трудового лагеря МВД, 1-2 апреля 1949 г. // Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т.6: Исправительно-

трудоустройство лагеря в Казахстане: Карлаг. Сборник документов и материалов. Составители тома: З.Г. Сактаганова, А.У. Аупеннова / Под общ. ред. Е.Т. Карина. – Астана, 2022. – С.177-179.

References:

1 Закон Республики Казахстан «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» №2143-ХІІ от 14 апреля 1993 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

2 Об объявлении 1997 года Годом общенационального согласия и памяти жертв политических репрессий. Указ Президента Республики Казахстан от 30 декабря 1996 г. №3299 // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

3 Об установлении Дня памяти жертв политических репрессий. Указ Президента Республики Казахстан от 30 декабря 1996 г. №3443. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

4 Ленин В.И. К истории вопроса о диктатуре // Полн. собр. соч. Т.41. С.369-391.

5 Декрет Совета Народных комиссаров (СНК «Об аресте возмездной гражданской войны против революции», 28 ноября (11 декабря) 1917 г. // Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. - М.: Гос. издател'ство политической литературы, 1957. - С.162.

6 Alekseev S.S. Samoe svjatoe, chto est' u Boga na zemle. Immanuel Kant i problemy prava v sovremennuju jepohu. – М.: Izdatel'stvo NORMA, 1998. – 416 s.

7 Циркулярное пис'мо Киробкома РКП (б), Кирпрофбюро ВКСФС и Наркомюста КАССР «Об укреплении судебных органов и пополнении их коммунистами» от 20 февраля 1923 г. // В братском единстве народов СССР. Документы и материалы. 1920-1937 гг. – Алма-Ата: Казахстан, 1972. – С.108-110.

8 Оперативный приказ НКВД СССР №00486 «О репрессировании зhen и размещении детей осужденных «изменников Родины» от 15 августа 1937 г. // Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы ХХ века). Т.6: Исправитель'но-трудоустройство лагеря в Казахстане: Карлаг. Сборник документов и материалов. Составители тома: З.Г. Сактаганова, А.У. Аупеннова / Под общ. ред. Е.Т. Карина. – Астана, 2022, С.30-33.

9 Постановление ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 г. // Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы ХХ века). Т.6: Исправитель'но-трудоустройство лагеря в Казахстане: Карлаг. Сборник документов и материалов. Составители тома: З.Г. Сактаганова, А.У. Аупеннова / Под общ. ред. Е.Т. Карина. – Астана, 2022. - С.21-22.

10 Циркуляр №1/001537-30/002517 Прокуратуры СССР и Верховного Суда СССР «О порядке применения высшей меры наказания к несовершеннолетним» от 20 апреля 1935 г. // Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы ХХ века). Т.6: Исправитель'но-трудоустройство лагеря в Казахстане: Карлаг. Сборник документов и материалов. Составители тома: З.Г. Сактаганова, А.У. Аупеннова / Под общ. ред. Е.Т. Карина. – Астана, 2022. - С.22-23.

11 Приказ НКВД СССР №00309 «Об устранении извращений в содержании детей репрессированных родителей в детских домах». 20 мая 1938 г. // Электронная библиотека исторических документов. Российское историческое общество. <http://docs.historyrussia.org/>.

12 Приказ №193 Управления Карагандинского исправитель'но-трудоустройство лагеря НКВД «О результатах обследования Чурубай-Нуринского и К. Кул'ского отделений» от 3 мая 1944 г. // Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы ХХ века). Т.6: Исправитель'но-трудоустройство лагеря в Казахстане: Карлаг. Сборник документов и материалов. Составители тома: З.Г. Сактаганова, А.У. Аупеннова / Под общ. ред. Е.Т. Карина. – Астана, 2022. - С.134-135.

13 Приказ №80 Управления Карагандинского исправитель'но-трудоустройство лагеря НКВД «О бытовых условиях Кампаяского участка Дзхартасского отделения» от 2 марта 1945 г. //

Materialy Gosudarstvennoj komissii po polnoj rehabilitacii zhertv politicheskikh repressij (20-50 gody HH veka). T.6: Ispravitel'no-trudovye lagerja v Kazahstane: Karlag. Sbornik dokumentov i materialov. Sostaviteli toma: Z.G. Saktaganova, A.U. Aupenova / Pod obshh. red. E.T. Karina. – Astana, 2022. - S.144-145.

14 Iz protokola sobraniya partijnogo aktiva Karagandinskogo ispravitel'no-trudovogo lagerja MVD, 1-2 aprelja 1949 g. // Materialy Gosudarstvennoj komissii po polnoj rehabilitacii zhertv politicheskikh repressij (20-50 gody HH veka). T.6: Ispravitel'no-trudovye lagerja v Kazahstane: Karlag. Sbornik dokumentov i materialov. Sostaviteli toma: Z.G. Saktaganova, A.U. Aupenova / Pod obshh. red. E.T. Karina. – Astana, 2022. - S.177-179.

МРНТИ 10.07.23
УДК 340.11:32

10.51889/2959-6181.2025.79.1.002

Б.А.Тайторина¹ , Қ.Тұрлыханқызы^{1*} , А.А. Каблакатов¹
¹Казахский национальный педагогический университет имени Абая
(e-mail: binur.a@mail.ru, *kuralay_turlykhan@mail.ru, aikyn.k@mail.ru)

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ: ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

Аннотация

В исследовании обоснован вывод о том, что организационно-правовая культура государственной службы как элемент управленческой культуры играет важную роль в формировании эффективного и современного государственного управления для достижения стратегических целей. Организационная культура рассмотрена как объективное явление, которое отражает сущность и эффективность функционирования государственной службы. В рамках разных теорий организационная культура рассматривается как важное свойство государственной службы; организационная культура выступает в ипостаси как прямых, так и опосредованных средств управления персоналом государственной службы. Концепция ценностей интерпретирована в исторической ретроспективе. В статье подчеркивается, что на формирование организационной культуры и ее составляющих существенное влияние оказывают национальные особенности и традиции. Сделан вывод о том, что сущность организационной культуры не только отражает текущее состояние государственной службы,